

СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ И СЕРДЦУ

ФИНАЛ

Владимир Маринин

Служу Отечеству и сердцу. Финал

«Автор»

2026

Маринин В.

Служу Отечеству и сердцу. Финал / В. Маринин — «Автор»,
2026

Курсант Андрей Макаров всегда мечтал служить Родине — но по-своему. Вместо командования взводом он выбирает путь следователя и отправляется на практику в заполярный городок Северный. Вместе с ним — жена Лиза, готовая поддержать в любых испытаниях. Северная идиллия оборачивается кошмаром: поджог администрации, покушение на Лизу, клеветнические статьи в газетах. Андрею предстоит не просто раскрыть преступление — он должен противостоять системе, которая оборачивается против него, защитить семью и доказать, что правда стоит борьбы. Но самый трудный выбор ждёт впереди. Когда училище, ставшее родным, начинает рушиться из-за его ухода, Макаров понимает: настоящая сила не в погонах, а в людях, готовых идти до конца. Прощаясь с друзьями и наставниками, он делает шаг в будущее — туда, где его ждут новые вызовы. Это история о долге, чести, дружбе и вере в себя. О том, что настоящий офицер становится им через выбор, потери и тех, кто верит в него до конца.

© Маринин В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Маринин

Служу Отечеству и сердцу. Финал

Глава 1: Северное эхо

Июльское солнце, не желающее садиться за горизонт, заливало бескрайние просторы Мурманской области мягким, молочным светом. Полярный день дарил ощущение вечного праздника, и для трёх молодых семей, сбежавших от московской суеты в маленький городок Северный, это время стало настоящей сказкой.

Андрей и Лиза, Глеб и Вика, Дима и Маша — все шестеро сняли небольшой, но уютный деревянный дом у друга Миши. Дни пролетали в череде удивительных приключений. Они рыбачили в студёном Баренцевом море, ходили в походы по Хибинским тундрам, где воздух был таким чистым, что кружилась голова, и устраивали пикники на берегу залива, любуясь игрой света на бескрайней водной глади.

— Я никогда не думал, что можно чувствовать себя настолько свободным, — сказал Дима, откинувшись на мягкий мох и глядя в белесое небо. — Только представьте, на сотни километров вокруг ни одного начальника, ни одного приказа.

— Не расслабляйся, Миронов, — усмехнулся Глеб, помешивая уху в котелке.

— Всё хорошее когда-нибудь кончается. У нас впереди распределение на практику. Скоро август, и нас обратно затянет военная рутина.

— Может, успеем сбежать за полярный круг? — мечтательно протянула Маша. — Говорят, там до сих пор есть места, где не ступала нога человека.

— Только не наша нога, — рассмеялся Андрей, привлекая к себе Лизу, которая уже почти задремала у него на плече. — Мы курсанты, девочка. От долга не сбежишь.

Наступил август, и тёплые, длинные дни начали стремительно укорачиваться. Воздух наполнился той особенной, звенящей прозрачностью, какая бывает только на Севере перед наступлением осени. Сказка заканчивалась. Пора было возвращаться в Москву, в Училище имени М.В. Фрунзе, где их ждала не просто привычная муштра, а важнейший этап — распределение на преддипломную практику.

Но для Андрея возвращение стало лишь началом нового, тщательно продуманного плана. Ещё в Северном, разговаривая с Мишей и его знакомыми из местного отдела полиции, он узнал, что в городе катастрофически не хватает толковых следователей. Многие дела, в том числе связанные с контрабандой и старыми, забытыми преступлениями, годами висят мёртвым грузом.

Он нашёл Лизу на берегу залива накануне отъезда.

— Знаешь, я тут подумал...

— О, я знаю этот взгляд, — улыбнулась она. — Ты снова что-то задумал.

— Я хочу попробовать себя не в войсках. В Следственном комитете.

Лиза удивлённо подняла брови:

— Но ты же всегда хотел быть офицером, командовать взводом.

— Я и буду офицером. — Он взял её за руки. — Просто другим. Следователь — это ведь тоже про защиту. Только с документами и уликами вместо оружия. Это... честно. Я хочу видеть, что моя работа приносит реальные результаты.

Вернувшись в Москву, Андрей не стал тянуть. Едва успев разобрать вещи, он отправился к генерал-лейтенанту Орлову. Тот принял его в своём кабинете с хмурым видом, но в глазах читалась некоторая усталость и, как ни странно, одобрение.

— Макаров, ты заходишь ко мне уже с привычкой просить что-то невозможное, — начал Орлов, приглашая его сесть. — В прошлый раз это была свадьба с тремя парами, в позапрошлый — секретная операция с ФСБ. Что на этот раз?

— Товарищ генерал-лейтенант, — Андрей выпрямился. — Я хочу попросить вас о распределении на практику в Следственный комитет Российской Федерации.

В кабинете повисла тишина. Орлов медленно снял очки и внимательно посмотрел на курсанта.

— Объяснись.

Андрей начал говорить. Он говорил о том, как на спецзадании с «Барином» и на метеостанции с Лариным ему пришлось не просто выполнять приказы, а думать, анализировать, строить логические цепочки. О том, что он чувствует необходимость приносить пользу не только в окопах, но и в расследованиях, помогая восстанавливать справедливость.

— Это не каприз, товарищ генерал-лейтенант. — голос Андрея звучал твёрдо. — Вы учили нас выбирать, где мы можем быть наиболее полезны Родине. Я считаю, что мои навыки и склад ума пригодятся именно там. Тем более, в Мурманской области, где мы были на каникулах, я своими глазами видел, сколько старых дел лежит без движения. Местным кадрам не хватает ни людей, ни опыта.

Орлов слушал молча. Он думал. Макаров был не просто одним из лучших. Он был тем редким типом курсанта, который умел видеть картинку целиком и действовать не по шаблону, а по обстоятельствам. Такие качества ценились везде, но в Следственном комитете они могли раскрыться с новой силой.

— Знаешь, — медленно произнёс Орлов, барабанив пальцами по столу, — мне это и в голову не приходило. Обычно курсанты рвутся в ВДВ, в разведку, в танковые войска. А ты хочешь в кабинет.

— Это не кабинет, товарищ генерал-лейтенант. Это полевая работа с другими инструментами.

Генерал встал, подошёл к карте на стене. Его взгляд скользнул по северным рубежам страны.

— Я ценю твою инициативу, Макаров. Ты не в первый раз идёшь поперёк течения, и каждый раз это оказывается правильным решением. — Он помолчал. — Хорошо. Я позвоню своему старому товарищу в Следственный комитет. Если твоя кандидатура их устроит, я подпишу все необходимые документы. Но, Макаров, запомни: там не будет поблажек. Это не училище. Там ты будешь на равных с гражданскими специалистами, и тебя никто не пожалеет. Ошибка может стоить не просто наряда вне очереди, а реального срока для невиновного.

— Я всё понимаю, товарищ генерал-лейтенант. — Андрей встал по стойке смирно. — Разрешите идти?

— Иди. Но если через месяц ты пожалеешь, я предупреждал.

Через несколько дней Андрея снова вызвали к Орлову. На столе генерала лежала папка со свежей печатью и подписью.

— Твоя кандидатура утверждена, — сказал Орлов. — Место практики — Следственное управление по Мурманской области. В тот самый городок, где ты отдыхал. В Северном. Начинаешь через неделю.

Андрей не сдержал улыбку. Северное эхо, оставшееся в его душе после летнего приключения, снова звало его в путь. Но теперь не на отдых, а на новую, неизведанную службу. Он вернулся в казарму, где его уже ждали друзья.

— Ну что, Макаров? — спросил Глеб. — Войска?

— Почти, — Андрей усмехнулся. — Я еду в Следственный комитет. В Мурманскую область. На месяц.

— В Следственный комитет? — Дима присвистнул. — Ты отбил себе самое странное место практики в истории училища! Обычно все хотят в горячие точки или в штаб, а ты... на Север, расследовать кражи и убийства.

— Кто ищет, тот всегда найдёт, — ответил Андрей. — А я ищу правду.

Глава 2: Птичий двор и театральные подмостки

Серый микроавтобус, выделенный местным отделением Следственного комитета, трясся по разбитой дороге, увозил Андрея и Лизу в Северный. За окнами проплывали бескрайние просторы тундры, кое-где уже тронутые багрянцем и золотом ранней северной осени. Воздух за стеклом был прозрачным и хрустальным, а небо — таким высоким, что, казалось, можно было дотянуться рукой до облаков.

— Ну вот мы и снова в Северном, — сказал Андрей, сжимая ладонь Лизы. — Только теперь не на каникулы.

— А у нас опять будет приключение, — улыбнулась Лиза. — Только вместо дикой природы — начальство и бумажки.

— Бумажки — это самое страшное оружие, — усмехнулся Андрей. — Война с ними порой опаснее, чем с автоматом Калашникова.

Они прибыли в городок, который за несколько летних недель стал почти родным. Те же невысокие дома, та же суровая, но приветливая атмосфера. Улицы, казалось, приветствовали их старой знакомой тишиной. Миша уже ждал их у небольшого деревянного домика, который они сняли на время практики.

— Ну что, московские следователи? — широко улыбнулся он, помогая вытаскивать чемоданы. — Готовы покорять наш криминальный Север? У нас тут, знаешь, не только олени и рыба, но и свои, так сказать, «герои».

— Чем богаты, тем и рады, — ответил Андрей, пожимая руку другу. — Показывай, где тут у вас правда лежит.

На следующее утро Андрей, надев новый костюм, купленный специально для этой практики, направился в здание местного Следственного комитета. Это был двухэтажный дом из серого кирпича, ничем не выделяющийся среди других зданий городка.

Внутри пахло бумагой, казённым чаем и старой мебелью. Андрей поднялся на второй этаж и постучал в дверь с табличкой «Начальник отдела — полковник Воробьёв».

— Войдите! — раздался басовитый, но незлой голос.

Андрей вошёл и представился:

— Курсант Макаров Андрей. Прибыл для прохождения практики согласно приказу генерал-лейтенанта Орлова.

За столом сидел мужчина лет пятидесяти, крепкий, с сединой на висках и уставшими, но очень живыми глазами. Он поднялся из-за стола и вышел навстречу.

— Здравствуйте, здравствуйте, курсант Макаров, — полковник крепко пожал ему руку. — Садитесь. Генерал Орлов мне много о вас рассказывал. Говорит, вы у него с характером и с головой. Очень рассчитываю на вас. Положение у нас, сами понимаете, — полковник обвёл рукой кабинет, где на полках громоздились папки с делами, — не ахти. Раскрываемость, конечно, есть, но хотелось бы больше. Очень не хватает свежих мозгов. Ваше прибытие для меня, можно сказать, подарок судьбы.

— Постараюсь оправдать доверие, товарищ полковник, — Андрей выпрямился, привычно принимая боевую стойку.

— Так, не нужно так официально, — улыбнулся Воробьёв. — Нас тут немного, народ простой. Будем на «ты». У нас тебе предстоит изучить материалы. Самые застарелые. Если их поднять, я буду считать, что месяц практики прошёл не зря.

Полковник Воробьёв оказался именно тем начальником, о котором можно только мечтать. Требовательный, но справедливый. Он не давал спуска, но вникал в каждую деталь, подерживал и подсказывал. Коллектив, состоящий из нескольких следователей и дознавателей, встретил Андрея настороженно, но с уважением. «Московский гость» — так его окрестили, но через день он уже стал «Андреем» и своим парнем.

Он вжился в работу быстро. Первое дело касалось хищения бюджетных средств при строительстве дороги. Андрей, используя навыки анализа, полученные в училище, и вспомнив свой опыт с документацией на спецзаданиях, всего за три дня выявил «схему», которую местные следователи искали месяцами. Второе дело — о пропавшем два года назад местном предпринимателе — оказалось, что предприниматель украл бюджетные средства и сбежал за границу.

Статистика отдела поползла вверх. Полковник Воробьёв светился от гордости. За две недели Андрей успел сделать то, на что у других уходили месяцы. Он словно принёс с собой столичную энергию и системный подход. Даже местные полицейские, поначалу скептически относившиеся к «студенту», теперь обращались к нему за советами.

Каждый вечер, уставший, но довольный, он возвращался в домик, где его ждали тёплый ужин, чай и любимая Лиза.

Однажды вечером, сидя за столом вместе с Мишей, который частенько заглядывал на огонёк, Андрей задумчиво помешивал чай в кружке.

— Знаешь, Миша, — начал он неожиданно. — У меня странное ощущение, что моя судьба связана с птицами.

— В смысле? — удивился Миша.

— Ну, смотри. Мой командир в училище — Ласточкин. Там ещё Кузнецов, но это не птица, хотя фамилия говорящая. А теперь мой начальник здесь — Воробьёв. Прямо какой-то зоопарк.

— А ты сам кто? — ухмыльнулся Миша. — Орёл? Сокол?

— Я Макаров, — пожал плечами Андрей. — Это, вроде как, вообще не птица. Но, может, я их всех и объединяю. Смотрю, чтобы порядок в этом «птичьем» мире был.

— Значит, ты птицелов, — заключил Миша. — Или главный по перьям.

Лиза рассмеялась, чуть не поперхнувшись чаем:

— Андрей, ты у меня главный по перьям! Звучит как должность в каком-то министерстве.

— Ну, если я начну расследовать дела с кражей пуха и яиц, это будет забавно, — смеялся Андрей. — Но пока что у нас тут серьёзные дела, покруче птичьих.

Лиза, не желая сидеть без дела, тоже нашла себе занятие. Через знакомых Миши она узнала, что при администрации города есть небольшой, но очень живой театр. Местный режиссёр-энтузиаст, женщина по имени Тамара Григорьевна, уже год пыталась поставить «Бесприданницу» Островского, но актёров не хватало.

— Лизонька, ты же актриса! — воскликнул Миша, когда они обсуждали это за ужином. — Да ты просто находка для них! Тебе нужно завтра же к ним сходить.

И Лиза пошла. Всего за несколько дней она влилась в коллектив и начала репетировать роль Ларисы Огудаловой. Её природная грация и голос, которыми она покорила Андрея ещё на Таганке, теперь покоряли северную публику.

Однажды Лиза, выполняя поручение Тамары Григорьевны, отправилась в администрацию города, чтобы согласовать смету на костюмы. Зайдя в кабинет председателя комитета культуры, она ожидала увидеть строгую чиновницу, но её встретила женщина примерно её возраста, с добрыми глазами и озорной улыбкой.

— Ой, вы, наверное, та самая Лиза! — воскликнула та, выходя из-за стола. — Тамара Григорьевна мне столько о вас рассказывала! Говорит, у вас потрясающий голос. Я Настя, председатель комитета культуры. Мы тут все очень хотим, чтобы театр ожил, но без талантов это невозможно.

— Я очень рада помочь, — улыбнулась Лиза. — У меня здесь всего на месяц практика, но я готова выкладываться на все сто.

— Ой, это чудесно! — Настя подошла ближе. — Слушайте, а вы не хотите ко мне на чай? У меня тут есть сушки, я сама пекла. Просто я так рада, что появился живой, настоящий

человек из столицы. У нас тут, сами знаете, с культурой туговато. А городок наш — он ведь не просто так «Северный» называется. Здесь душа особенная. Холодная, но горячая.

Лиза присела за стол. Разговор зашёл сам собой. Они обсудили театр, городские мероприятия, планы на осень. Лиза рассказывала о своих спектаклях в Москве, а Настя — о местных фестивалях и о том, как администрация пытается вытащить культуру из болота.

— Знаете, — сказала Настя в конце беседы. — А давайте-ка мы устроим фестиваль к концу месяца? В честь вашего приезда и окончания практики вашего мужа! Пригласим всех, сделаем красивый вечер. Я вам помогу с документами, а вы нам покажете, что такое настоящий столичный театр!

Лиза растерялась, но улыбнулась:

— Я попробую. Если Тамара Григорьевна согласится, то мы это устроим.

Вернувшись домой, она застала Андрея, который с ожесточением разбирал какие-то бумаги.

— Как дела в мире преступности? — спросила она, вешая пальто.

— Отлично, — улыбнулся Андрей, поднимая голову. — Завтра сдаю второе «висячее». Воробьёв в шоке. Говорит, что если так пойдёт, он меня к себе насовсем переманит.

— А ты как на это смотришь? — с интересом спросила Лиза.

— Пока не знаю, — честно ответил он. — Но ощущение, что я на своём месте, — точно есть. А как у тебя?

Лиза присела рядом и положила голову ему на плечо:

— Знаешь, я сегодня подружилась с одной женщиной из администрации. Настя. Она такая... живая. И она предложила устроить фестиваль в конце месяца. Наш собственный, как завершение этой истории.

Андрей обнял её:

— Всё, что ты задумаешь, будет прекрасно. У нас есть план. Ты создаёшь здесь культуру, я — порядок. А Миша нас охраняет от настоящих северных медведей.

— Это ты про начальников? — засмеялась Лиза.

— И про них тоже, — улыбнулся Андрей. — Всё-таки здорово, что мы сюда приехали.

Глава 3: Час огня

Жизнь в Северном вошла в размеренную колею. Андрей с головой ушёл в работу, разбирая завалы старых дел, которые копились годами, и полковник Воробьёв уже открыто называл его «золотым курсантом», поговаривая, что после училища место в штате за ним закрепят. Статистика отдела стремительно летела вверх, раскрываемость росла, и даже местные скептики, поначалу косившиеся на московского гостя, признали: парень оказался настоящей находкой — хваткий, дотошный, без страха браться за безнадёжные дела и с какой-то почти болезненной одержимостью доводить их до конца.

Лиза тоже не теряла времени. Репетиции в театре шли полным. Тамара Григорьевна уже не раз повторяла, что с появлением Лизы у труппы открылось второе дыхание — появился какой-то внутренний свет, свежесть, которую теряешь после десятилетий работы в провинции. А дружба с Настей, председателем комитета культуры, стала по-настоящему тёплой и искренней. Они часто встречались в администрации — пили чай с сушками, обсуждали предстоящий фестиваль, спорили о костюмах и музыкальном сопровождении, строили планы на будущее. В этом городе, среди суровой северной природы, у Лизы появился свой маленький тыл.

В один из солнечных дней, почти безветренных и редких для этих широт, Лиза снова зашла к Насте в кабинет на четвёртом этаже администрации. Здание в стиле Сталинского ампира с высокими потолками и широкими коридорами возвышалось над главной площадью, храня память о нескольких поколениях чиновников. Они сидели у окна, говорили о приглашениях и смете, смеялись над какой-то мелочью, как вдруг в двенадцать часов всё измени-

лось. Снизу донёсся глухой, тяжёлый взрыв — такой, от которого закладывает уши, а в груди на мгновение останавливается сердце. Пол мелко задрожал, с потолка посыпалась известковая пыль, зазвенели стёкла в шкафу, а за окном раздался пронзительный, полный ужаса крик: «Пожар!» Из окон третьего этажа валил густой, едкий чёрный дым, перемешанный с языками оранжевого пламени, и стёкла с оглушительным треском вылетали на площадь, разлетаясь осколками по асфальту.

— Настя, выходим! — Лиза схватила подругу за руку и рванула к выходу, чувствуя, как по спине пробегает липкий холод страха.

Но в коридоре четвёртого этажа их встретил настоящий кошмар: пол был залит бензином, едкий запах ударил в нос, смешиваясь с дымом, который уже поднимался по лестничным пролётам. В конце коридора, у лестницы, мелькнули чьи-то тени — две фигуры в тёмном, — и в следующее мгновение пламя с грохотом вспыхнуло, мгновенно охватив бензиновую дорожку. Огненная стена встала между ними и единственным путём к спасению. Лиза, не раздумывая, втащила Настю обратно в кабинет, захлопнула дверь и набросила на щель мокрую тряпку, которую на ходу схватила с подоконника. В кабинете оставался единственный шанс — окно. Но прыгать с четвёртого этажа на брезент, который внизу вчетвером натягивали пожарные, было безумием. Лиза распахнула створку, глотнула свежего воздуха и, оглянувшись на перепуганную подругу, прошептала: «Кто-то должен нас спасти. Держись».

В это время Андрей сидел в своём кабинете, разбирая бумаги по очередному застрявшему делу, когда дверь резко распахнулась. На пороге стоял запыхавшийся следователь, бледный и с расширенными глазами: «Пожар в администрации! Третий этаж полностью горит! Твоя жена там!» Андрей вылетел из-за стола так, что стул с грохотом упал на пол. Он не помнил, как выскочил из здания, как завёлся мотор, как оказался на площади. Сердце колотилось в горле, но голова работала с ледяной чёткостью.

У горящего здания его встретила дикая картина: охранница, невысокая коренастая женщина, преграждала путь пожарным, выставив руки, и кричала, что имеет приказ никого не впускать ради сохранности документов — внутри якобы секретные материалы, и она отвечает за них головой. Пожарные рвались внутрь, но она стояла насмерть, ссылаясь на инструкции. Андрей с рёвом оттолкнул её, пригрозив немедленным уголовным делом за воспрепятствование спасательным работам, и первым ворвался в пылающий холл. Два пожарных ринулись за ним.

Внутри было жарко, как в кузнечной печи, дым клубился и ел глаза, но Андрей знал маршрут — он бывал в этом здании не раз. Пламя уже лизало перила лестницы на третий этаж, но он перепрыгнул через горящие ступени и вылетел на четвёртый. Коридор горел — стены обуглились, потолок трещал, воздух раскалился до предела. Андрей прикрыл лицо рукавом пиджака, рванул вперёд и ворвался в кабинет Насти. Там он нашёл Лизу — живую, но испуганную, с красными от дыма глазами, лицом, перепачканным сажей, и дрожащими руками. Она стояла у распахнутого окна, жадно глотая свежий воздух. Увидев его, она бросилась навстречу.

Андрей схватил её на руки, чувствуя, как она дрожит, как её дыхание прерывается. Он уже повернулся к выходу, когда Лиза прильнула к его уху и прошептала сквозь кашель и слёзы:

— Андрей... я знаю, кто это сделал... я видела их в конце коридора... двое в чёрных куртках, с капюшонами... они вылили бензин из канистр и подожгли... у них был факел...» Она не договорила — кашель скрутил её, и она потеряла сознание, обмякнув у него на руках.

Андрей вынес её наружу, и к ним сразу подбежали врачи скорой. Лизу уложили на носилки, накинули кислородную маску, и врач, осмотрев её, коротко сказал:

— Отравление угарным газом, возможно, ожоги дыхательных путей. В больницу — срочно.

Андрей рванул к машине, но врач преградил ему путь:

— Вы не можете, там только персонал. Доверьтесь нам. Она в надёжных руках. А вы нужны здесь — это преступление, и вы это знаете.

Андрей замер, глядя вслед уезжающей карете, сжал кулаки так, что побелели костяшки, и резко развернулся к горящему зданию.

Он мгновенно переключился в режим следователя — холодный, жёсткий, собранный. Он приказал начать подворный опрос всех свидетелей на площади, проверить уцелевшие записи с камер наружного наблюдения соседних зданий, оцепить периметр и не выпускать никого без проверки. Затем он лично допросил охранницу, которую уже держали двое полицейских. Та, бледная и трясущаяся, ломая голос, призналась: утром ей позвонили с неопределяемого номера — механический, искажённый голос приказал никого не впускать в здание в рамках спецучений по сохранности документов, пообещав за невыполнение увольнение, а за исполнение — крупную премию. Она поверила, испугалась и выполнила. Андрей понял: это не случайность, не хулиганство — это спланированная диверсия с чёткими целями и подготовкой.

Он тут же позвонил полковнику Воробьёву и жёстко, без лишних слов, потребовал перекрыть все выезды из города, поднять личный состав, начать проверку гостиниц и съёмных квартир. Полковник, услышав голос Андрея, не задал лишних вопросов — коротко ответил:

— Приступаю. Андрей, ты как?

— Я в порядке, — сказал он, глядя на огонь. — Я найду их. Это моё дело.

Здание догорало ещё несколько часов. Пожарные сбили пламя, но здание сильно успело пострадать. Андрей не поехал в больницу — он знал, что Лиза в надёжных руках, что врачи делают всё возможное, а сейчас его место здесь, на пепелище. Он остался на месте преступления: лично опрашивал прохожих, сверял показания, перепроверял каждую деталь. Единственная зацепка, которую удалось найти, — записи с камеры старого универмага за углом. На плёнке отчётливо виднелись двое в чёрных куртках, с рюкзаками за плечами, скрывшие лица под капюшонами, — они мелькнули на площади за две минуты до взрыва и быстрым шагом ушли. Лиц не разглядеть, примет не уловить — только уверенная, слаженная походка людей, знающих, что они делают.

Андрей собрал все материалы, сохранил плёнку, записал показания охранницы и свидетелей, а затем дал себе слово, которое никто не мог отнять: он найдёт их. Даже если для этого придётся перевернуть весь город, поднять на ноги все инстанции, потратить недели или месяцы. С этой минуты он перестал быть просто следователем по особо важным делам, который выполняет рутинную работу. Он стал охотником — охотником на тех, кто посмел поднять руку на его жену, на его друзей, на тот хрупкий мир, который он начал строить в Северном. И он знал: эта охота только начинается.

Глава 4: Призраки прошлого

Лиза лежала в реанимации. Белые стены, монотонный писк аппаратов, тусклый свет ночников — всё это казалось Андрею сценой из чужого, нелепого фильма. Он сидел в коридоре больницы, уткнувшись головой в сложенные руки, и пытался собрать разбегающиеся мысли. Врачи сказали, что состояние стабильное, но тяжёлое — отравление угарным газом, ожоги дыхательных путей, сильный стресс. Она пришла в сознание лишь на несколько минут, но сразу же заговорила о том, что видела тех, кто поджёг здание.

— Двое мужчин, — прошептала она, едва шевеля губами. — В чёрных куртках. Они стояли в конце коридора, когда я выбежала. Один из них обернулся... я запомнила его лицо... он был...

Она не договорила, снова провалившись в сон. Врачи запретили её беспокоить, и Андрей, поцеловав её в лоб, вышел из палаты с одной-единственной мыслью: он должен найти этих людей. И сделать это быстро.

На следующее утро в следственном комитете началась масштабная работа. Из областного центра прибыла группа опытных следователей. Полковник Воробьёв лично возглавил оперативный штаб. В просторном кабинете, где раньше проходили только плановые совещания, теперь кипела работа: карты, схемы, распечатки звонков, показания свидетелей. Каждый отрабатывал свою версию.

— Основная версия, — говорил старший следователь из области, мужчина с суровым лицом и въедливым взглядом, — подрыв городской администрации. Цель — дестабилизация обстановки в регионе. Кто-то хотел уничтожить документы, возможно, связанные с коррупционными схемами. Мы отрабатываем связи с местными криминальными структурами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.